

Бринкен А.О., Сальников В.П.

Западная граница российской Арктики:

международно-правовые аспекты

Определение положения западной морской границы российской Арктики и делимитация морских пространств Баренцева моря неразрывно связаны с вопросом о различного рода правах на архипелаг Шпицберген и окружающие его воды. Шпицберген расположен на западной окраине обширного плато, простирающегося между Европой и Азией с юга и островами Земля Франца-Иосифа и Новая Земля с востока. Что бы ни говорили, но в современной истории архипелаг был открыт случайно в поисках путей на Дальний Восток голландцами Корнелием Риппом и Вильгельмом Баренцем в 1596 г. Ю.М. Шокальский писал, что «открытие прошло почти незаметно, только через 10 лет на него обратили внимание после плавания англичанина Генри Гудзона». Шпицберген был нанесён на голландскую карту с описанием плавания В. Баренца. Ю.М. Шокальский пишет также, что «англичане ложно утверждали, что Шпицберген был открыт в 1555 г. Виллоуби». Практически вскоре после открытия в районе Шпицбергена голландцами был организован крупнейший китобойный промысел, опирающийся на архипелаг. Почти незамедлительно к ним присоединились английские китобои. В 1618 г. произошло столкновение между голландскими и английскими китобоями, закончившееся поражением последних. Между ними был достигнут компромисс: северная часть вод вокруг архипелага эксплуатировалась голландцами, южная – англичанами. В 1620-1635 годах число голландских судов доходило до 260 в год, а численность экипажей – до 18 тыс. человек. Иногда добыча не могла быть вывезена сразу, и это способствовало сезонной (летней) колонизации. Самое большое поселение называлось Смееренбург и находилось в 10° от полюса. Предпринимались попытки зимовок. Известно, что зимовки 1630/1631 г. и 1633/1634 г. закончились благополучно. Затем после нескольких трагически завершённых зимовок они больше не повторялись. В 1650-х годах китобои стали уходить от Шпицбергена, и в 1671 г. от поселений остались только развалины. Согласно различным письменным источникам, русские промышленники-поморы посещали Шпицберген (русское название Грумант), вероятно, с XII века. Во всяком случае, в отечественных источниках заявляется, что документировано несколько находок русских погребений того времени. Губернатор Свальбарда в своих лекциях о Шпицбергене отрицает этот факт, говоря, что поиски ведутся, но такие захоронения не найдены, а находки относятся к XVIII веку.

И Ю.М. Шокальский, и Р.Л. Самойлович отмечают, что, возможно открытие Шпицбергена и его посещение ещё до русских норманнами (не отмечено, какими) с IX по XII века. Однако известных документальных свидетельств нет, хотя высокая морская активность норманнов в целом свидетельствует в пользу такого предположения. Так, первые документированные упоминания о посещении норманнами Исландии относятся к 850 г., когда её достиг и обошёл кругом некий Гордар. К 871 г. на Исландии были созданы постоянные поселения, насчитывавшие в 875 г. 25000 жителей. При плавании на Исландию некоторые суда сносились на запад и, согласно сагам, в 900 г. норманны попали на Гренландию. Не исключено, что таким же образом они могли посещать и Шпицберген. Что касается Гренландии, а проблемы с суверенными правами на неё похожи на проблемы Шпицбергена, то известно, что норвежец Эрик Рыжий подошёл к Гренландии в 981 г. и высадился на мысе Фарвел. Затем три года он исследовал её берега, вернулся в Исландию и вновь отплыл на Гренландию с экспедицией на 25 судах, из которых дошли 14 (300 человек). На Гренландии было образовано норвежское поселение, и к 1000 г. его население превысило 1000 человек. Дальнейшая история освоения

Гренландии связана со скандинавским этапом колонизации Северной Америки от 1000 г. до плавания Колумба. Считается, что связь Гренландии и Норвегии прервалась к 1380 г., и к началу XV века норманнские колонии в Гренландии исчезли почти без следа. Можно считать, таким образом, что коренным населением на Гренландии были норманны (норвежцы или датчане) и что они были вытеснены эскимосами.

Эти данные интересны с точки зрения оценки исторических прав Норвегии на Гренландию по сравнению с такими же правами России на Шпицберген.

Поскольку письменные источники отчётливого представления об открытии и освоении Шпицбергена не дают, с 1955 г. были организованы археологические экспедиции с участием учёных Норвегии, Дании, Швеции, Нидерландов, Финляндии и Польши. С 1978 г. на архипелаге работала экспедиция Академии Наук СССР, которая не смогла, как и другие экспедиции, найти следов древних поселений ранее середины XVI века, а с этого времени все находки были связаны с пребыванием здесь русских поморов. С 1978 по 1984 г. было раскопано несколько десятков русских поселений, погребений и больших поморских крестов, осмотрены сотни километров побережий, изучено большое число образцов древесных остатков и тысяч находок (в том числе надписей). В 1981 г. на западном берегу острова Западный Шпицберген были найдены остатки русского дома вблизи реки Стаббэльва, как считается, срубленного в 1556 г. Другой дом в 14 км от Стаббэльвы на берегу лагуны Гравшён был срублен в 1552 г. К 1580-ым годам относится постройка в заливе Бельсунн. Шесть из 19 найденных при раскопках на Шпицбергене русских надписей датировано XVI веком. Русские поморы посещали Шпицберген и зимовали на нём вплоть до 1830 г., в том числе некто Старостин зимовал 15 лет подряд и 17 раз отдельно.

С этого времени упоминания о посещениях Шпицбергена русскими поморами отсутствуют. В последних публикациях археологов о Шпицбергене приводятся весьма странные сведения о том, что в русских погребениях начала XIX века многие останки свидетельствуют, что люди умерли насильственной смертью. Высказываются различные гипотезы, преимущественно с упором на посещения грабителей, но вероятны и столкновения между представителями разных национальностей, поскольку к тому времени Шпицберген был известен достаточно широко и мог привлечь пиратов, в том числе с правительственными лицензиями. К тому же, в начале XIX века прекратился и китобойный промысел в окружающих Шпицберген водах, и пираты могли подходить к островам незамеченными.

С 1609 по 1778 г. на промысел в районе Шпицбергена вышло 14167 голландских судов и было добыто 57590 китов, а общая выручка за них составила 3691066 фунтов стерлингов (по Самойловичу). Шокальский приводит чуть меньшие цифры.

Первая русская научная экспедиция в район Шпицбергена была организована в 1764-1766 годах по проекту Ломоносова и возглавлялась Василием Чичаговым. Российские моряки доходили до 80° с.ш. Систематические и интенсивные исследования архипелага проводились с середины XIX века шведами, в том числе Торелем и Норденшельдом (за 50 лет 10 экспедиций). Русскими на архипелаге была организована магнитометеорологическая обсерватория в 1899-1900 годах, и к архипелагу прошло пробное плавание ледокола «Ермак».

Добыча угля на Шпицбергене была начата американцами, затем норвежцами, и с 1912 г. – русскими.

Первые дипломатические документы, относящиеся к Шпицбергену, чётко датируются 1871 г., хотя вероятно, что должны быть и более ранние источники. В переписке отмечается, что вопрос о присоединении Шпицбергена к Скандинавии возбуждается уже не в первый раз до 1871 г. В 1871 г. шведское правительство обратилось к России с вопросом о намерении присоединить к своим владениям группу островов Шпицберген с целью основать там колонию из жителей северной Норвегии для содействия отправляющимся в полярные страны учёным экспедициям. Как отмечено в обобщении этой переписки, сделанном в письме управляющего министерством иностранных дел гофмейстером графом Лансдорфом (так в оригинале) на имя императорского посланника в Стокгольме от 21.09.1896 г. № 8110 по поводу слухов о новых попытках присоединения Шпицбергена к Швеции, «в переписке от 21.05.1871 г. и 17.07.1872 г. с достаточной убедительностью изложены соображения, на основании которых императорское правительство ... не находило в то время желательным занятие островов одною Швецией, которая и отказалась вследствие сего от первоначального предположения». Основываясь на том, что Шпицберген фактически не состоит во владении никакой державы и в силу его географического положения, русское правительство, как писал Лансдорф, сохранило за собой право устраивать в любом месте островов поселения, а также «полную свободу для наших промышленников на Шпицбергенском архипелаге заниматься всякими промыслами беспрепятственно и без ограничений». В ответе императорского посланника Зиновьева от 5/17 октября 1896 г. на имя Лансдорфа сообщается, что «означенный замысел совершенно чужд правительственным сферам, проекты не вышли из области предположений, и правительство Швеции полагает необходимым сохранить за Шпицбергенем характер нейтральной территории».

И тогда, и в течение многих последующих лет, вплоть до войны 1914 г., русское правительство весьма недальновидно предполагало, что Россия обладает на европейском театре такой мощью и такой силой убеждения, какие способны воздействовать на соседние государства, во всяком случае, Швецию и Норвегию, в достаточной мере посредством одной лишь переписки, и что достаточно сохранить за островами статус *terra nullius*, чтобы иметь там равные, если не большие права, чем эти государства. В газете «Русь», пусть и откровенно правого толка, писали в 1909 г., что Шпицберген может служить «красноречивым примером печальных последствий нашей неосмотрительности и недальновидности». Напротив, Швеция и Норвегия старались любыми возможными способами утвердить свои права с помощью не только активных действий, но дипломатических соглашений и договоров, и постоянно возобновляли попытки утвердить свои права на архипелаг Шпицберген. При этом опыт утверждения российских прав на некоторые острова и использование ресурсов на российском Дальнем Востоке, где Россия имела меньше возможностей, чем соседние государства, как бы совершенно отсутствовал. Как будто не было указа 1821 г. об установлении особых прав в 100-мильной зоне вокруг российских дальневосточных территорий, препятствующем хищнической иностранной эксплуатации российских ресурсов. Как будто события на Дальнем Востоке не привели к потере Аляски, и т.д. Более того, вся дипломатическая переписка до 1912 г. не содержит ни одного упоминания о возможности установления какого-либо вида прав на морские акватории и ни одного упоминания о делимитации морских пространств.

Несмотря на утверждение Швеции-Норвегии о сохранении за Шпицбергенем статуса нейтральной территории и приверженности к соглашениям 1871-1872 годов, попытки суверенизации Шпицбергена продолжались, в связи с чем в 21.05/1.06.1906 г. императорский посланник в Христиании Крупенский сообщил, что в виду отделения Норвегии от Швеции (1905 г.) он передал норвежскому правительству памятную записку и получил заверения, что норвежское правительство «не питает никаких задних мыслей относительно Шпицбергена и вполне и безусловно признаёт соглашения 1871-1872

годов». Крупенский добавил также, что норвежцы собираются перевозить почту на пароходах Норвегия-Шпицберген, но особых шпицбергенских почтовых марок, «о которых впрочем пока и речи нет», вводиться не будет, так как это было бы проявлением норвежского суверенитета. К письму Крупенского приложена памятная записка норвежского правительства, где без всяких оговорок признаются соглашения 1871-1872 годов. Тем не менее события продолжали развиваться преимущественно по норвежской инициативе, и в 1910 г. в Христиании состоялось совещание представителей Норвегии, Швеции и России по вопросу статуса Шпицбергена. К совещанию для делегата гофмейстера Крупенского была подготовлена инструкция министерства иностранных дел, в которой столь же последовательно и упрямо, сколь и недальновидно утверждались следующие положения:

- Шпицбергенский архипелаг и остров Медвежий признаются никому не принадлежащей территорией, одинаково открытой для промышленной эксплуатации всех народов (какая забота обо всех народах, кроме шведов, норвежцев и русских! – А. Б.), но не могущею быть присоединённою ни целиком, ни частями ни к какому государству;
- весь архипелаг объявляется нейтрализованным на вечные времена, то есть всякое занятие его военно-морскими силами или производство в его водах военных операций воспрещается (может быть, это единственный пункт дальновидного прозрения русского МИДа – А. Б.);
- в основу международных правил учреждаемого в архипелаге правопорядка должно быть положено условие неперемного участия делегата русского правительства на равных началах с Норвегией и Швецией во всех органах, которые будут ведать на Шпицбергене судебными и административными делами.

Из последнего пункта вытекало отрицательное отношение России к норвежскому и шведскому проектам, которые признавали полностью первые два пункта, но не отвечали третьему и клонились к установлению фактического неравенства держав в деле устройства правопорядка на Шпицбергене. Основное внимание в российском проекте обращалось на недопущение возможности захвата и расхищения шпицбергенских земель подданными иностранных государств, которые могли бы фиктивно завладеть лучшими участками на островах в спекулятивных целях. Это была по меньшей мере странная мысль, возникшая в российском МИДе неизвестно по какой причине и совершенно заслонившая фактические интересы России по поводу архипелага. В депеше от 31.07/13.08.1910 г. у гофмейстера Крупенского возникает некоторое прозрение, и он пишет: «Хотя Норвегия и заявляла, что считает себя связанною соглашениями о признании Шпицбергена за terra nullius, но в то же время искала возможности тем или иным путём закрепить за собой привилегированное положение на островах». Вместе с тем он пишет далее, что совершенно бесспорным фактом является то, что только норвежцы составляют в настоящее время зимующее население Шпицбергена, и только они (кроме туристов и американских предпринимателей) посещают его летом. По всей видимости, этот аргумент относился к категории, которая сейчас называется правом на основании эффективной эксплуатации. МИД России требовало, чтобы на Шпицбергене не было установлено категории частной собственности на землю, и земля передавалась лишь при условии срочного земельного владения – «право занятия и использования». Тем не менее, при всех критических замечаниях в адрес тогдашнего МИДа следует отметить, что перед I Мировой войной всё же вырисовывались перспективы российско-шведско-норвежской договорённости о совместном управлении (кондоминиуме) Шпицбергеном, вероятнее всего, вызванной боязнью всех трёх держав посягательств на Шпицберген со стороны других держав, прежде всего, Великобритании, Германии, США. Эти переговоры

затянулись вплоть до начала войны, и в них постепенно и всё более активно включились представители Великобритании и США, оказывавшие определённое давление на формирование позиций сторон. В том числе среди чиновников российского МИДа выражались сомнения в преимуществах статуса Шпицбергена как *terra nullius* по сравнению с присоединением его к Норвегии при оговорке особых прав России.

Начавшаяся война прекратила переговоры, однако небезынтересно то, что в 1916 г. (в самый разгар войны) Россия провозгласила свои права на все территории островов, которые были открыты или могли быть открыты в полярном секторе между меридианами 32°04'35" в.д. и 168°49'30" з.д., который был подтверждён постановлением Президиума ЦИК СССР от 15.04.1926 г. Не вызывает сомнения, что Россия защищала свои интересы не от Норвегии или Швеции, а скорее и вероятнее всего от своих союзников по Антанте - Великобритании, США, Канады, которые были втянуты в войну значительно менее, чем Россия, и имели возможности экспансии на её окраинные владения. В полярный сектор России Шпицберген включён не был, но в него попали острова Земли Франца-Иосифа. Норвегия отреагировала на заявление о полярном секторе только в 1928 г. с замечанием, что «Королевское Правительство, тем не менее, не может и теперь определить свою окончательную точку зрения на этот вопрос во всём его объёме...».

А.М. Коллонтай в 1923 г. в письме к комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину писала, что в Норвегии «...не забыто, что Россия была в числе трёх держав, под контролем которых находился Шпицберген*, что Россия до 1917 г. постоянно противилась признанию суверенитета над Шпицбергеном какой-либо из стран, что Россия во время совещания в Христиании 1912-1914 гг. настаивала, чтобы Шпицберген остался *terra nullius* и что Россия вплоть до 1917 г. обладала крупными экономическими интересами, заставлявшими видеть в ней серьёзного конкурента Норвегии в вопросе суверенитета». Какие-либо документы об отношениях Норвегии и России по поводу Шпицбергена с 1914 по 1920 г. неизвестны, кроме уже упомянутой акции России о полярном секторе.

Вопрос о Шпицбергене вновь возник на втором этапе проведения Парижской мирной конференции 1919-1920 годов, когда державы-победительницы, не пригласив Россию, передали Шпицберген под суверенитет Норвегии. В статье «Международно-правовое положение Арктики», подписанной В. Менжинским, передача Шпицбергена объясняется следующим образом: «Главные участники Парижской мирной конференции обсудили планы удушения Советской власти в России и наметили ряд мер ... на образование вокруг Советского государства кордона из враждебных стран». Менжинский ссылается на крупные работы Б.Е. Штейна и Г. Никольсона, посвящённые Парижской конференции, хотя обе работы описывают период конференции до обсуждения шпицбергенского вопроса и прямо его не касаются. Никольсон заканчивает описание днём подписания Версальского договора – 28.06.1919, Штейн – январём 1920 г., хотя конференция по существу продолжалась и далее (во всяком случае, договор с Венгрией был заключён 4.06.1920, и с Турцией – 10.07.1920). Характеристика Менжинского одной из целей конференции не вызывает возражения, хотя выбор Норвегии в качестве участника враждебного кордона крайне сомнителен. Предоставление архипелага Норвегии, как это видно из предыдущего изложения, было исторически достаточно справедливо, хотя и односторонне, и к тому же объяснялось желанием держав-победительниц выразить таким образом благодарность Норвегии за предпринятые ею усилия во время I Мировой войны.

Парижский договор о Шпицбергене к тому же вполне соответствовал первым двум пунктам программы России на трёхстороннем совещании в Христиании 1910-1914 годов. Из договорённостей того времени было изъято всё, что касалось совместного управления, которое было передано исключительно Норвегии. В свою очередь хозяйственная

деятельность на архипелаге и в его территориальных водах могла осуществляться любой страной, подписавшей Парижский договор.

Правительство РСФСР направило правительству Норвегии (12.02.1920) ноту с протестом против заключения Парижского договора о Шпицбергене и разъяснило свою позицию в телеграмме (7.05.1920) народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина министру иностранных дел Норвегии Н.К. Илену. Однако это были скорее дипломатические шаги, нежели фактическое стремление защитить интересы страны на западных морских границах. Приведём отрывок из письма от 3.02.1923 г. НКВД М.М. Литвинова торговому представителю в Норвегии Я.З. Сурицу по этому вопросу.

«...Мы вряд ли можем с большой убедительностью доказывать преимущества для нас оставления Шпицбергена «ничьей» территорией против присоединения к Норвегии. Особенных притязаний на Шпицберген Россия и раньше не предъявляла, тем менее может предъявить их теперь, и из всех возможных владельцев Норвегия является для нас самым безобидным...

...Согласие на присоединение дано было союзниками в качестве компенсации за услуги, оказанные им Норвегией во время войны.

...Мы не можем давать своего согласия без некоторой компенсации России, пока Норвегия не признает нас де юре».

Можно считать, что де-факто Норвегия признала Россию ещё в 1921 г., когда было заключено соглашение о торговле. Это соглашение было затем подтверждено в 1926 г. Заключение торговых соглашений было выгодно обеим сторонам. На территории Советской России осталось много имущества, принадлежащего норвежским предпринимателям; норвежские рыбопромышленники были заинтересованы в эксплуатации ресурсов вод Белого моря и продаже своей продукции в Россию. Россия нуждалась в поставках промышленной продукции, в том числе транзитом через Норвегию, прорыве экономической блокады и т.п.

Временное соглашение 1921 г. было известным прорывом в международных отношениях. В нём заявлялось среди прочего, что правительства не предпримут и не поддержат действия по завладению ценностями других сторон; русские и норвежские суда пользуются равными правами в портах друг друга; стороны обеспечивают свободный транзит товаров и т.д. Впоследствии (после признания СССР де-юре 14.02.1924 г.) в договоре 1926 г. заявлялся национальный режим судам каждой из договаривающихся сторон, их экипажам, грузам и пассажирам (ст. 18).

Отношение по поводу Шпицбергена обеими сторонами (Россией и Норвегией) с 1920 по 1924 г. постоянно увязывались с признанием Норвегией России де-юре, хотя эти вопросы по-настоящему не были зависимы друг от друга. Норвежское правительство ставило обязательным условием признания СССР де-юре согласие России на суверенитет Норвегии над Шпицбергом, что отражено во многих документах того времени. Советское правительство (точнее НКВД) как представляется, воспринимало Шпицберген преимущественно в виде разменной карты за признание де-юре Советской России, о чём свидетельствует письмо Чичерина: «...Присоединение СССР к конвенции о Шпицбергене в первую голову желательно и выгодно нам. ...Наше присоединение к Шпицбергенской конвенции для нас выгодно и желательно, ибо, во-первых, оно даёт нам право участвовать в той арбитражной или просто шпицбергенской комиссии, которая упоминается в конвенции и горном регламенте, и, во-вторых, это есть ещё один общеевропейский

договор, в котором мы бы участвовали. Мы таким образом постепенно легализовались бы. Ведь мы же сами уже давно добывались участия в Шпицбергенской конвенции. Мы протестовали против того, что её заключили без нас». Г.В. Чичерин выражает удивление по поводу того, как «за оказание нам Норвегией услуги по присоединению к конвенции можно требовать от неё ещё и признание де-юре». Он был, а, вероятно, это была не только личная точка зрения, но и представление Советского правительства в целом, уверен, что, во-первых, Шпицберген находится в сфере лишь маргинальных интересов России, во-вторых, что суверенитет Норвегии над Шпицбергеном вряд ли может быть оспорен Россией, в-третьих, что Парижский договор, как он был составлен, является для Норвегии не подарком, а бременем дополнительных расходов. Поэтому предложение Норвегии о сепаратном соглашении по Шпицбергену с Россией до признания России де-юре и, соответственно, возможности её присоединения к договору, не было хоть как-то воспринято в России. Иными словами, не Норвегия выиграла у России спор о Шпицбергене, а Россия сама проиграла его в силу ошибок российской дипломатии. В уже цитируемом письме Коллонтай Чичерину сказано: «Меня сильно удивило то место в Вашем письме, где Вы пишете, что Норвегия, предлагая добиться подписи Советского правительства под Парижским трактатом, делает это в виде услуги России, в неожиданном порыве чрезмерной любезности. Фактически дело обстоит как раз наоборот. Удивило меня и другое место Вашего письма, из которого следует, будто бы Норвегия совершенно не дорожит суверенитетом над Шпицбергеном, который, не давая ей никаких выгод, ложится на Норвегию тяжким бременем. Опять-таки, на самом деле верно как раз обратное».

Кстати, Норвегия подписала договор о Шпицбергене только в 1924 г., получив через торгового представителя СССР в Норвегии А.М. Коллонтай письменное заверение Советского правительства, что оно согласно с договором : «Считаю необходимым сообщить Вам (министру иностранных дел Норвегии Мишле), что отныне правительство Союза признаёт суверенитет Норвегии над Шпицбергеном, включая остров Медвежий, и что вследствие этого оно в будущем не будет выдвигать возражений по поводу договора о Шпицбергене от 9 февраля 1920 г. и относящегося к нему горнорудного регламента». Поэтому именно 16.02.1924 г. следует считать временем официального признания со стороны России суверенитета Норвегии над Шпицбергеном. 17.07.1925 г. в Норвегии был принят закон о Шпицбергене, а 7.08.1925 г. – закон о горной промышленности, которые со ссылкой на договор о Шпицбергене являются основой текущего законодательства, относящегося, в том числе, к современной деятельности нефтегазовой промышленности на Шпицбергене.

Тем не менее, в течение последующих десяти лет Советское правительство по соображениям, не отражённым в документах о советско-норвежских отношениях, не подписывало Парижский договор о Шпицбергене и лишь 7.05.1935 г. заявило официально о присоединении к нему «без всяких условий и оговорок». Несколько забега вперёд, отметим, что в 1944 г. Молотов назвал этот договор «дискриминационным актом по отношению к Советскому Союзу» и сказал также, что в 1935 г. «Советское правительство было вынуждено» присоединиться к нему. Доказательства этой вынужденности в документах также не отражены. Вероятнее всего, что СССР желал поддержать подписанием Парижского договора, которое могло расцениваться правительством СССР как формальный акт, пришедшее к власти в Норвегии незадолго перед этим правительство, сформированное рабочей партией (министр иностранных дел профессор Х. Кут).

Российско-норвежские отношения межвоенного двадцатилетия достаточно подробно рассмотрены в монографии А.В. Репневского . Следует обратить внимание, что в это

время вопросы о границах возникали крайне редко и преимущественно по поводу нарушения норвежскими рыболовными судами границ территориальных вод СССР, установленными в пределах 12 миль. Норвегия протестовала против такого «удалённого» предела (у самой Норвегии тогда был 4-мильный предел), как по дипломатическим каналам, так и путём прямых нарушений.

Добавим к этому, что в 1926 г. министр иностранных дел Норвегии представил послу СССР в Норвегии Коллонтай ноту, в которой заявлял права Норвегии на Землю Франца-Иосифа. Якобы Норвежцы были первыми, кто открыл эти острова. В ноте открывателями были представлены капитаны Гренбек (действительная фамилия капитана была Реннбек) и Айдиярви, которые дали островам название Норд-Ост Шпицберген. Фактически это была не столько претензия на острова, сколько протест против решения правительства СССР от 15.04.1926 г. об объявлении территорией Союза всех земель в полярном секторе. Ещё до этого (6.11.1924 г.) права на полярный сектор, определённый в 1916 г., были подтверждены НКВД СССР в связи с попытками Канады и США закрепиться на о-вах Врангеля и Геральда. В постановлении 1926 г. из полярного сектора было сделано изъятие: восточные острова архипелага Шпицберген между 32 и 35° в.д. как принадлежащие Норвегии. Советское правительство отнеслось к ноте 1926 г. соответственно обстоятельствам того времени и в духе развития доброжелательных отношений с Норвегией (вспомним торговый договор того же года). Экспансии Норвегии на Землю Франца-Иосифа не последовало. Вопрос о Земле Франца-Иосифа обсуждался между странами достаточно долго, причём, как указывается в письме Коллонтай, «норвежская пресса держалась весьма сдержанного тона». Вся проблема упиралась в стремление Норвегии сохранить за норвежцами права свободного лова вокруг ЗФИ, в том числе в её территориальных водах, против чего, естественно, СССР категорически возражал. 17.10.1930 г. норвежское правительство приняло решение не признавать суверенитет СССР над ЗФИ, если норвежские экономические интересы не будут обеспечены на неограниченный срок. Де-юре признание не последовало ещё почти 30 лет, что в общем совершенно не повлияло на развитие норвежско-советских отношений в других областях. 8.08.1930 г. гражданин Норвегии П. Элиассен по собственной инициативе захватил остров Виктория, расположенный между архипелагом Шпицберген (о. Белый) и ЗФИ. НКВД СССР был информирован о захвате нотой 15.12.1932 г. В ноте от 29.01.1933 г. СССР объявил захват незаконным, поскольку остров согласно декрету 15.04.1926 г. является советской территорией.

Устремления Норвегии были направлены на Гренландию, аннексированную Данией в 1923 г., в то время как Норвегия считала её своей исторической собственностью. В договоре между Данией и Норвегией 1924 г. норвежцам были предоставлены равные с датчанами права на проведение зверобойного и рыболовного промысла и научную деятельность в восточной Гренландии.

В январе 1927 г. Норвегия отправила ноты «заинтересованным» иностранным державам о том, что норвежский Метеорологический институт расширил ранее используемый им участок на острове Ян-Майен, распространив его на всю территорию острова. Все государства, кроме СССР и Нидерландов, приняли ноту без ответа. СССР оставил за собой право изучить вопрос, а Нидерланды заявили, что норвежская оккупация не может изменить характер острова как *terra nullius*. В 1933 г. от норвежца Б. Якобсена* было получено предложение купить участок на острове Ян-Майен 150-200 км². Реввоенсовет СССР посчитал, что эти предложения не представляют ни малейшего интереса, и СССР отказался от покупки. Трудно задним числом обвинять экспертов Реввоенсовета в недальновидности**, тем более что отказ в целом соответствовал общей политике СССР и в отношениях с Норвегией и вообще в Атлантическом бассейне, согласно которой СССР

не притязал на территории и акватории, удалённые от границ. В какой-то мере эта традиция шла ещё от дореволюционной России, когда была уступлена Аляска, отказывались вступать во владение островами в Тихом океане, настаивали на признании Шпицбергена *terra nullius*, и т.д. В этом смысле обвинения в экспансионизме и желании СССР «отобрать» у Норвегии суверенные права на Шпицберген, занять какие-то территории Норвегии были явно надуманными и провокационными. В беседе с министром иностранных дел Норвегии Кутом (10.03.1937) замНКИД отметил, что ни гражданская арктическая авиация, ни военная не нуждаются в перелётах над Норвегией, а к «этому пугалу мистических советских аэропланов тёмные элементы в продолжении больше чем двух лет возвращались безнаказанно уже много раз», и напомнил «по поводу слухов о советских самолётах, вычерчивающих в воздухе серп и молот над Веной и быстро ликвидированных кратким заявлением австрийского правительства о лживости этих слухов». Кут заметил, что «он сам родом из Северной Норвегии и знает, как легко поддаётся всяким вздорным слухам склонный к мистике житель Севера». Одна из таких провокаций по поводу якобы требований СССР предоставить одну из норвежских гаваней была разоблачена министром иностранных дел Норвегии Т. Ли в 1942 г., когда он выяснил источник распространения дезинформации, которым оказался Ю. Ретингер – один из ближайших советников В. Сикорского, премьер-министра польского правительства в изгнании: «Когда Ретингер был припёрт к стенке, он не мог отрицать своего причастия к этому».

В 1931-1933 годах Норвегия оккупировала часть восточной Гренландии – так называемую землю Эрика Рыжего. Дело было передано в международный суд в Гааге, который в 1933 г. признал суверенитет над всей Гренландией в пользу Дании на основе принципа эффективной оккупации. До последнего времени в Норвегии выражаются сомнения в обоснованности этого решения. В России, имея в виду, что инициатором экспансии Норвегии был норвежский министр обороны того времени фашист Квислинг, решение Гаагского суда было охарактеризовано как «скандальный провал полярного империализма».

Вопрос о Шпицбергене в СССР был поднят вновь в 1940 г. по поводу принятия мер по предотвращению захвата архипелага Германией. Предлагалось занять архипелаг частями Красной Армии на всё время войны (!?) в целях защиты советских граждан (2 тыс. чел., норвежцев - 700) из-за неспособности правительства Норвегии обеспечить их безопасность. 24.07.1941 г. в беседе министра иностранных дел Норвегии* Т. Ли с послом СССР в Великобритании И.М. Майским во время обсуждения проблем восстановления дипломатических отношений между СССР и Норвегией был затронут вопрос об обороне Шпицбергена от Германии (участницы Парижского договора 1920 г.). Казалось бы, что это самый подходящий момент для пересмотра Парижского договора, поскольку норвежское правительство находилось в схожем положении с правительством Советской России 1920 г. и не менее нуждалось в признании де-юре. Но Майский несколько раз подчеркнул, что суверенитет Норвегии на Шпицбергене будет пользоваться уважением и что Российское правительство не имеет никаких территориальных требований к Норвегии. По существу, пересмотр Парижского договора и не является таким требованием, нужно было лишь договориться о кондоминиуме, пусть и с оставлением административных функций за норвежской стороной. Не было ни малейших попыток прийти к такому соглашению.

В течение военных лет российская дипломатия практически не обращала внимание на вопрос о Шпицбергене, хотя серьёзные поводы для этого представлялись. В 1942 г. британское военное командование по явному согласованию с премьер-министром У. Черчиллем направило на Шпицберген группу англо-норвежских командос якобы для

выдворения с архипелага отрядов вермахта. Неизвестно, были ли столкновения с немцами, поскольку в ряде источников утверждается, что последних на Шпицбергене и не было. В воды архипелага лишь изредка заходили немецкие рейдеры. Но шахты «Арктик уголь» были подорваны «на всякий случай», причём Черчилль назвал эту операцию подготовительной к открытию второго фронта.

Отношения между Россией и Норвегией по поводу Шпицбергена возобновились в 1944 г., вероятно, в связи с запиской В.Г. Деканозова народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову. Молотов в беседе с министром иностранных дел Норвегии Т. Ли и послом Норвегии в СССР Р. Андвордом поставил вопрос о денонсации Парижского договора как не отвечающего ситуации текущего момента и принятого в условиях политической изоляции Советской России и предложил решить вопрос о Шпицбергене как кондоминиуме России и Норвегии. США и Великобританию он считал нужным поставить в известность «в дальнейшем, в подходящий момент». Андворд возражал против предложения Молотова, но согласился поставить его перед своим правительством. В норвежском ответе было выражено согласие обсудить этот вопрос «впредь до консультаций с Францией, Великобританией, США, Канадой, Швецией и Нидерландами», и отмечалось: «стороны считают, что отмена договора 1920 г. будет осуществлена в соответствии с правилами международного права». Таким образом, очевидно, что Норвегия была готова пойти на денонсацию, но на достойных для себя условиях. Впоследствии стало понятно, что Норвегия даже торопила события, в отличие, как это ни странно, от советской стороны. 9.04.1945 г. норвежское правительство представило проект совместной декларации СССР и Норвегии о Шпицбергене, в котором сказано: «Оба правительства согласны, что отмена договора 1920 г., переговоры о которой будут иметь место позже, будет в конечном счёте осуществлена в соответствии с правилами международного права...». Проект вступил в стадию разного рода поправок, в основном, редакционного характера и постепенно сошёл на нет. Кроме того, выяснилось, что, скорее всего, обращение Молотова к вопросу о Шпицбергене было подготовлено недостаточно, причём как в части определения морских, так и сухопутных границ. В его переговорах с норвежскими представителями ни разу не упоминаются такие категории, как территориальные воды, особые права государств на морские акватории, морские границы государств и т.п., хотя эти вопросы обязательно должны были возникнуть в связи со Шпицбергом. В то же время Молотов постоянно упоминал о желании СССР иметь на Шпицбергене военно-морские базы, что прямо противоречило и Парижскому соглашению, и всей предыдущей истории шпицбергенского вопроса, как он понимался ещё царской Россией. Правда, в проекте совместной декларации была фраза: «...нейтрализация Свальбарда, установленная договором, оказалась неосуществимой, и дальнейшее соблюдение этого принципа находилось бы в прямом противоречии с интересами обеих стран». По поводу сухопутных границ в справке, направленной НКВД А.Я. Вышинскому, упоминается, что ещё в 1900 г. военный министр Куропаткин в докладе на высочайшее имя писал, что граница Российской Империи со Швецией и Норвегией «на севере проведена слишком искусственно и не в нашу пользу», «с нашей стороны естественно желание исправить здесь нашу границу». Граница тогда не была «исправлена», поскольку Финляндия не открывала, а прикрывала весь север России, и при слабости шведско-норвежского королевства можно было ни о чём не заботиться. Ни о чём и не позаботились. Предложение озаботиться этим вопросом в 1945 г. сыграло против интересов России, поскольку заявочные позиции СССР возрастали обратно пропорционально успешности будущих переговоров.

О том, что проблема была недостаточно проработана российской стороной, свидетельствует и записка генерал-лейтенанта Н.В. Славина о военно-стратегическом значении Варангер-фьорда (пограничного между Россией и Норвегией) и острова

Медвежий, представленная лишь 14.07.1945. Граница была установлена по условиям соглашения о перемирии СССР-Финляндии 19.09.1944, согласно которым к СССР отошёл район Петсамо (Печенга), находившийся в составе Финляндии с 1920 г. Таким образом, у СССР и Норвегии появилась общая граница на суше. К сожалению, она была проложена так, что вызывает возможность для обеих сторон предъявлять отличающиеся притязания на морские пространства к северу от границы. Дело в том, что территория Норвегии на п-ове Варангер находится восточнее границы территории СССР. Граница идёт по Варангер-фьорду, и норвежцы считают, что её продолжение в море должно иметь то же направление, что и граница по фьорду, в то время как СССР/Россия направляет её по меридиану от окончания фьорда к северу. По всей видимости, о более благоприятном для России положении границы вполне можно было договориться на Ялтинской конференции, либо в процессе переговоров с Норвегией во время освобождения её северных территорий советскими войсками в порядке некоторой компенсации (если позволительно об этом говорить) за понесённые СССР потери, а также за содержание норвежских дивизий на территории СССР. Но это не было сделано, хотя ещё с 1939 г. было известно о стремлении многих государств, в том числе и США, расширить область своих притязаний на прилегающие морские пространства. Т. Рузвельт подготавливал акты США по объявлению притязаний на прилегающий к стране континентальный шельф, что не было сделано при его жизни из-за начавшейся войны, и эти притязания приписывают Г. Трумэну.

Славин предлагал договориться с Норвегией о перенесении границы таким образом, чтобы Россия получила п-ов Варангер и Варангер-фьорд, а также остров Медвежий. Кстати, вопрос о геополитических недостатках (неполноте, незавершённости, неудобстве) северной части российско-норвежской границы поднимался в российской печати ещё в начале XX века (во всяком случае, в 1910 г.). предлагалось обсудить с Норвегией возможность покупки у неё или обмена части территории между положением тогдашней границы и рекой Тана (Танаэльв), выходящей в Тана-фьорд, на более удобный для Норвегии и лежащий южнее участок плюс дополнительные права на Шпицбергене. Отмечалось, что действующая граница «как будто имеет целью не допустить Россию к берегам Варангерского фьорда», гораздо более удобного, чем «Екатерининская гавань». Это было гораздо важнее для России/СССР, чем военно-морские базы на Шпицбергене, но ни тогда правительство на эти предложения не среагировало, ни Славин на свою записку ответа не получил. Но записки Славина и Деканозова сыграли свою роль: Молотов норвежским вариантом остался неудовлетворён, и притом, что Норвегия в лице её министра иностранных дел Т. Ли* ускоряла переговоры, российская сторона затягивала решение вопроса. Ещё раз обратим внимание на даты официальных документов СССР по этому вопросу: 29.12.1944 - 25.01.1945 - 9.04.1945 - 18.11.1946.

18.11.1946 г. Молотов вновь вернулся к вопросу о денонсации Парижского договора. Между тем, международное положение СССР существенно изменилось: начиналась эпоха «холодной войны», и предположения уже упомянутой записки (документ № 276) о готовности Норвегии за счёт дружбы СССР создавать противовес Великобритании были, мягко говоря, недостаточно основательны. В резолюции Стортинга (норвежского парламента) уже не упоминался вопрос денонсации договора. Стортинг отметил большие заслуги СССР в деле освобождения северной Норвегии и высказал умеренную готовность обсуждать возможность «улучшения» Парижского договора. Затем под давлением Великобритании и США норвежская точка зрения изменилась ещё более. В отчёте посольства СССР в Норвегии за 1946 г. отмечается, что если министр иностранных дел Норвегии Т. Ли в 1945 г. хотел урегулировать вопрос как можно скорее, то новый министр просто боится его постановки. МИД СССР также не стремился активизировать обсуждение, а в 1950-е годы отступил от первоначальных требований. В ноте от

15.10.1951 г. Советское правительство сообщает об изменении позиции относительно Парижского договора и теперь уже настаивает на подтверждении запрета проведения деятельности в военных целях на Шпицбергене, а не на денонсации договора. В июне 1953 г. замминистра иностранных дел Г.М. Пушкин в записке министру Молотову предлагает заявить, что СССР не намерен оспаривать суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген и островом Медвежий. На записку отвечает уже министр иностранных дел Вышинский с резолюцией «подготовить ответ». Можно считать это точкой (или скорее многоточием) в отношениях между нашими странами по поводу территорий архипелага Шпицберген и острова Медвежий. Можно считать, что притязания России на Шпицберген, остров Медвежий, остров Ян-Майен, отдельные острова, входящие в архипелаг, на какие бы основания они не опирались, в том числе, в связи с появлением новых документов, новых исторических данных и проч., реального смысла не имеют. Однако это не означает, что вопрос о российском освоении Шпицбергена и пусть утерянных, но правах на него следует отставить в сторону как совершенно непродуктивный. Во-первых, повороты истории мало предсказуемы. Во-вторых, несмотря на то, что Парижский договор изначально был подписан государствами без СССР, в числе его участников около 40 государств, а в будущем может быть ещё больше, на самом деле эксплуатация ресурсов архипелага ведётся лишь двумя странами - Россией и Норвегией, и лишь они имеют интересы на архипелаге, подтверждённые 1000-летней историей освоения и эксплуатации. В-третьих, как известно, одни права порождают другие, например, права на территории определяют права на прилегающие воды и т.д. При этом все последующие права появляются отнюдь небесспорно, и, соответственно, они должны быть оспорены, исходя из норм и традиций международного права и интересов России. Представляется, что, несмотря на участие Норвегии в НАТО и любое «давление» на неё со стороны союзников по блоку, жизненным интересам Норвегии более соответствуют договорённости с Россией, чем расширение территории, регулируемой Парижским договором 1920 г. со всеми десятками участвующих в нём сторон, которые имеют разнообразные часто противоречивые и не всегда прогнозируемые интересы в районе. Вероятно, этим можно объяснить первоначально легко полученное СССР согласие Норвегии на пересмотр условий Парижского договора, которое затем было взято обратно исключительно под давлением Великобритании и США. Если тогда это относилось, к территории острова, то теперь, когда обсуждаются права на континентальный шельф и 200-мильную экономическую зону, совершенно нет необходимости подводить этот вопрос под зонтик Парижского договора.

Между тем, в дальнейших официальных документах, особенно посвящённых совместным декларациям Норвегии и СССР/РФ, постоянно упоминается фраза «в соответствии с Парижским договором». Содержится она и в декларации премьер-министра Королевства Норвегии и премьер-министра Российской Федерации (Столтенберга и Касьянова) от 29.09.2000, в которой упоминается раунд переговоров по делимитации Баренцева моря, проведённый в Осло 6.09.2000, и намечаемый раунд переговоров конца 2000 г. в Москве. При этом во многом повторяется механизм переговоров с США по поводу разграничения Берингова моря, где существо вопроса было подменено обсуждением формы, а именно какие линии и на основании каких геодезических данных должны быть приняты при делимитации, в то время как необходимо обсуждать общие вопросы учёта национальных интересов обеих стран, принципа справедливости, исторические предпосылки, демографические и другие особые обстоятельства, связанные с взаимоотношениями наших стран в прошлом, настоящем и будущем вообще и по поводу Шпицбергена в частности. Принцип раздела с поисками «справедливого» решения (*equitable principles*) зафиксирован в статьях 74 и 83 Конвенции. Этот принцип признан сегодня главенствующим среди других. Таким образом, можно считать, и так считают многие юристы, что статья 15 универсальной Конвенции 1982г. относительно делимитации

морских границ в пределах территориального моря не является более определенной, несмотря на то, что делает прямую ссылку на линию равного отстояния, особые обстоятельства и исторические права. Немаловажное значение при этом, естественно, будет придаваться отношениям в области энергетики. Российская сторона согласилась с позицией Норвегии проводить разграничение постепенно, путём последовательных, как пишут норвежцы, небольших сбалансированных шагов, договариваясь по каждому отрезку границы отдельно, как это обычно делается при делимитации границ на суше. В норвежской печати это подаётся следующим образом со ссылкой на интервью Госсекретаря МИДа Кима Тровика: «Мы не можем искусственно форсировать вопросы, касающиеся разделительной линии. Но хочу подчеркнуть, что последние раунды переговоров были положительными, и мы надеемся, что будет определённый прогресс. Во время визита Путина норвежское руководство хочет сделать акцент на развитие двустороннего экономического сотрудничества. Для Норвегии сотрудничество в использовании ресурсов Баренцева моря имеет огромное значение. Как и деятельность норвежских предприятий нефтяной и газовой отрасли в России. Очень важно развитие торговли между двумя странами. Здесь вырисовываются большие перспективы» .

Не вызывает сомнения, что при этом ни о каких принципах и речи быть не может, и что в целом это вряд ли будет отвечать интересам РФ. За деревьями леса не видно. К тому же широкого обсуждения вопроса не проводилось и не проводится. Поэтому не исключено, что достигнутые договорённости могут «повиснуть в воздухе» и не пройти ратификацию в Государственной Думе, как это уже произошло с пресловутым договором Шеварднадзе-Горбачёва-Бейкера о делимитации Берингова моря.

Норвежское правительство предложило СССР начать обсуждение вопроса о разделе континентального шельфа Баренцева моря ещё в 1967 г. Переговоры с перерывами продолжались, начиная с 1974 г., и как указывал норвежский исследователь В. Естренг, «без особой перспективы успешного завершения». Естренг не являлся официальным представителем норвежского правительства, однако выражал именно его интересы . Поэтому любопытно, что он имел в виду, когда писал: «В перспективе не исключена возможность того, что сила, а не международное право определит разграничительные линии и контроль над континентальным шельфом в этом районе». Какого рода силу он имел в виду: экономическую мощь, преимущество в технологии разработок или военную? – До сих пор переговоры идут в поле международного права, и как заявил М.В. Маргелов (председатель комиссии Совета Федерации по международным делам), Россия придерживается позиции разграничения Баренцева моря по восточной границе полярных владений, установленной ещё в 1916-1926 годах . Маргелов добавил к этому, что Россия подала заявку в ООН с притязаниями на 1,2 млн. км² дна северных морей, основанную на ратифицированной Россией конвенции ООН по морскому праву 1985 г. Ранее позиции Норвегии и России определялись подписанной обеими сторонами Женевской конвенции 1958 г. о континентальном шельфе. Обе стороны признали статью 6 этой конвенции в качестве основы для переговоров, но объясняли свою позицию разными положениями этой статьи. Норвегия предлагала использовать принцип срединной линии (медиана). До последнего времени СССР/Россия отстаивала секторный принцип со ссылкой на так называемый учёт особых обстоятельств. Между медианой и секторной линией площадь поверхности океана составляет 155 тысяч км², что можно сравнить площадью норвежского континентального шельфа Северного моря (144 тысячи км²). Геологические условия этого района позволяют предположить высокую вероятность наличия в восточной части Баренцева моря больших запасов углеводородов. В Норвегии считают, что раздел на основе секторальной линии ставит Норвегию в крайне невыгодное положение. Не будем в данной случае приводить все доводы и обоснования за и против раздела водных пространств Арктики на секторы. В современной России этот принцип

также подвергается сомнению, и предлагается проводить раздел на основе наиболее общих положений современного морского права, то есть наиболее формализованной делимитации путём закрепления двухсотмильных экономических зон и континентального шельфа. Более того, Россия заявила в ООН претензии на удалённый в Северный Ледовитый океан континентальный шельф за пределами 200-мильной зоны на основании того, что есть районы древнего шельфа, погруженного на глубины более 2500 метров, которые являются продолжением материка.

В связи с различными принципами делимитации был определён район, на который претендует как СССР, так и Норвегия, и достигнута временная договорённость о ведении в этом районе рыбного промысла с осуществлением унифицированных мер контроля над ним со стороны СССР и Норвегии. Эта договорённость по существу была уступкой Норвегии, так как СССР получил подтверждение на уже имевшиеся у него права на ресурсы вод вокруг Шпицбергена (в соответствии с Парижским договором), а Норвегия получила права на рыболовство в зоне, утерянные ею в связи с принятием СССР обычных норм международного права.

В 1971 г. Норвегия установила четырёхмильную ширину территориальных вод вокруг Шпицбергена, приведя их в соответствие с территориальными водами вокруг всей страны (!). Согласно Конвенции ООН по морскому праву 1985 г. ширина территориальных вод установлена в 12 миль. Норвегия де факто использует этот предел и подтверждает его де юре только 17.01.2003. Но на сей раз, помимо 12-мильных территориальных вод, Стортингу предлагается узаконить дополнительно ещё и 12-мильную прилегающую зону, как пишется в пресс-релизе министерства иностранных дел Норвегии, «для некоторых контрольных целей». Отмечается также, что Норвегия таким образом становится одной из первых, если не первой страной в Европе, которая устанавливает «новый наиболее современный режим», который даст лучшую позицию для охраны окружающей среды, например, при регулировании международного судоходства с тем, чтобы оно «проводилось дальше от берега, чем сегодня». Ещё ранее (1.07.2002) правительство ввело новые правила проведения базовых линий для определения ширины территориального моря вокруг Норвегии, отменив прежние от 12.07.1935 и 18.07.1952. Прежние правила критиковались за чрезмерно большую длину базовых линий, позволяющую Норвегии при декларированном 4-мильном пределе фактически устанавливать ширину территориального моря в 10-12 миль. Считается, что новые правила ещё более благоприятны в этом смысле.

Норвегия не приводит ширину территориальных вод и других морских зон вокруг Шпицбергена в соответствии с зонами вокруг остальной территории. Парадокс заключается в том, что Норвегия стремится установить больший объём суверенных прав над континентальным шельфом за пределами четырёхмильных территориальных вод Шпицбергена, чем на нём самом и в его территориальных водах. Одновременно в других норвежских заявлениях говорится, что шельф и воды вокруг Шпицбергена как бы относятся не к нему, а к материковой части Норвегии. Но тогда необходимо устанавливать одинаковые нормы для морских пространств, окружающих материк и архипелаг. Налицо стремление получить полный объём прав на шельф и воды, а не усечённый договорённостями 1920 г. Кстати, подводное продолжение архипелага Шпицберген, иногда его называют цоколем, отделяется с юга более глубокими водами, чем с востока.

Представляется, что Россия должна с пониманием отнестись к этим устремлениям Норвегии, но не в ущерб собственным интересам, которые наиболее полно вырисовывались в подготавливаемых договорённостях 1910-1914 годов о кондоминиуме

России-Норвегии-Швеции на Шпицбергене. Но на сей раз речь не идёт о кондоминиуме и не идёт о территориях. Интерес проявляется к морским пространствам и их ресурсам, которые ныне находятся под суверенитетом России. Конечно, возможен вариант передачи их под управление Норвегии, но с тем, чтобы Россия получила бóльшие или равные с ней права эксплуатации и доли налоговых отчислений от этой эксплуатации. Это совсем не будет ущемлением интересов Норвегии, так как 50% прав Норвегии относится к её 4,5-миллионному населению, а 50% прав России – к её 144-миллионному.

В наибольшей степени интересы проявляются в отношении разведки и эксплуатации нефтегазовых ресурсов на Шпицбергене. Отдельные исследования проводились почти сразу после войны, но лишь с 1960-х годов начались систематические геологоразведочные работы. Они продолжались с 1963 до 1977 г., и после четырёхлетнего перерыва проводятся до настоящего времени. По различным данным, всего пробурено от 17 до 32 скважин. Скважины распределены почти по всему острову. Значимых количеств нефти или газа найдено не было. По заявлению норвежских правительственных источников, крупнейшие операторы считают, что дальнейшая разведка не представляет интереса с экономической точки зрения.

Бурение на нефть производила и советская компания «Арктик уголь», по-видимому, без существенных результатов. Эстафету переняла компания «Бритиш Петролеум», которая закончила свою программу весной 1986 г. перед летним сезоном подвижек ледяного покрова. Норвежские источники сообщали, что якобы были обнаружены нефтесодержащие ловушки на глубине 1500-2000 м от поверхности и что «БП» собирается просить лицензию на 1800 км² площади для продолжения работ. Работы продолжались до 1994 г. Дальнейшая активность существенно ограничена принятым законодательством об охране окружающей среды.

Иным образом обстоят дела на шельфе.

Развивая свою нефтегазовую промышленность, Норвегия до 1993-1995 гг. в какой-то мере учитывала российские интересы. Тем не менее, в 1989 году норвежцы открыли для нефтегазопроисковых работ шельфовый участок «Баренцево море-Юг», простирающийся до 74°30' с.ш. – возможной зоны действия Договора о Шпицбергене. Об открытиях в районах, непосредственно прилегающих к ней, не сообщается, но вообще на шельфе Баренцева моря число открытий возрастает с каждым днём. В том числе, в феврале 2001 г. компания «Статойл» нашла нефть и газ в бассейне Нордкап в 130 км севернее Норвегии на глубине воды 288 м (72°05' -72°20' с.ш. 26-27° в.д.). Теперь на карте Баренцева моря к северо-востоку от месторождения Снёвит оконтурено в несколько раз большее по площади новое газовое месторождение (пока без названия). Ещё одно месторождение обозначено примерно в 40 км от него к востоку.

Российские исследования Баренцева моря начались в 1970-х годах, а первое бурение – в начале 1980-х. Преимущественно исследовался район Печорского моря, но не только. Так, в 1988 г. было открыто Штокмановское месторождение. Большие перспективы нефтегазоносности связывают с подъёмом Федынского, который входит в сферу притязаний обеих сторон. Предположительно, что при разграничении граница может пройти через отдельные месторождения, как это уже было при делимитации Северного моря между Норвегией и Великобританией.

Норвегия должна представить свои соображения о внешних границах континентального шельфа в ООН к 2006 г., соответственно, ведётся активная деятельность по созданию батиметрических и сейсмических карт Баренцева моря. Для работ вокруг Шпицбергена

использовался шведский ледокол «Оден» . В России соответствующие работы выполняются Главным управлением навигации и океанографии, выпустившем карту рельефа дна Северного Ледовитого океана . Россия уже представила в 2001 г. («первой из государств» - ЦРУ) в Комиссию ООН по установлению пределов континентальных шельфов свои притязания на шельфы по двум подводным хребтам – Ломоносова и Менделеева. Но ясно, что эти претензии необходимо обновлять и поддерживать, в том числе, и в координации с норвежской стороной.

В августе 2002 г. исполнительный директор «Статойл» Фиелл высказался в духе установления отношений сотрудничества с Россией в области разработки ресурсов дальнего севера, и, прежде всего, Баренцева моря. Фиелл считает, что «между Норвегией и Россией должны быть установлены такие же тесные отношения, как между Россией и США». Можно предполагать, что установление таких отношений должно базироваться и на договорённости о делимитации Баренцева моря. Возможно, г-н Фиелл желал бы получить преимущества при делимитации не меньшие, чем получили США при делимитации Берингова моря 1990 г. Но Россия должна учесть опыт работы комиссии Шеварднадзе-Бейкера. Норвежская позиция по установлению морской границы в Баренцевом море среди других аргументов содержит и тот, что при установлении полярного сектора СССР имелось в виду заявление прав России исключительно на территории земель, содержащихся в этом секторе, а не на морские пространства и дно (в современной интерпретации – территориальные воды, исключительная экономическая зона, континентальный шельф). Поэтому Россия как бы не должна придерживаться аргументации исторических прав на морские пространства и отсутствия претензий на них до середины 1960-х годов со стороны Норвегии. Но этот аргумент имеет и другую сторону: Парижский договор о Шпицбергене также имел в виду только территорию острова и узкий предел территориальных вод, существовавший в то время. Расширение этих пределов ничуть не более аргументировано, чем расширение трактовки претензий на полярный сектор в отношении его морских пространств. Подписание и ратификация конвенции ООН по морскому праву в 1997 г. совершенно не означают отказ от принципа разграничения в соответствии с претензиями на полярный сектор. (Норвегия ратифицировала Конвенцию годом раньше – в июне 1996 г.). Конечно, очевидно, что теперь России тяжело претендовать на включение в суверенные воды пространств вплоть до Северного полюса, но вопрос о разграничительной линии между Россией и Норвегией этой ратификацией не предрешается. Скорее напротив: если в Женевской конвенции 1958 г. особые обстоятельства трактовались довольно ограничительно, практически только как географические обстоятельства, то в новой конвенции объём особых обстоятельств многократно расширен и включает исторические права, эффективную эксплуатацию в прошлом и ряд других. Именно поэтому норвежская сторона хотела закончить переговоры до принятия новой конвенции. К тому же, Конвенция 1982 г. наряду с другими принципами делимитации или даже перед ними ставит принцип справедливости, а этот принцип или его толкование вообще говоря требовали бы установления прав России над ныне спорными морскими пространствами и кондоминиума над островом Шпицберген. Если о последнем речи не идёт, то это следует отнести исключительно к доброй воле России и сложившимся для неё не очень благоприятным экономическим условиям после раздела СССР 1991-1992 гг. Если от России требуют в связи с признанием ею новаций международного морского права отказа от секторного принципа деления арктических морей, то логично было бы пересмотреть весь пакет договорённостей, включая и Парижский договор 1920 г.

Как представляется, норвежская сторона в недостаточной степени выражает понимание этих обстоятельств. Так, на карте норвежского шельфа Норвежского Нефтяного Директората вместо указания вероятного направления границы (до 2002 г.), граница по

морю проведена тем же пунктиром, что и по суше без указания, что это только заявленная позиция Норвегии. Ещё раз вспомним гофмейстера Крупенского в связи с нежелательностью ввода особых шпицбергенских марок. «так как это было бы проявлением норвежского суверенитета». Иногда акции, подобные указанию границ на карте ННД называют «картографической войной». России нежелательна никакая война с Норвегией, ни политическая, ни экономическая, ни картографическая, что не означает сдачи позиций по любым вопросам. Скорее всего, по этому поводу следует выразить хотя бы недоумение. МИД России опять опаздывает?

На встрече в Осло 12 ноября 2002 г. с премьер-министром Норвегии К.М. Бондевиком президент РФ В.В. Путин говорил о делимитации Баренцева моря. В 2003 году истекает срок действия временных правил экономической деятельности в этом регионе. Путин сказал, что желательно решить эту проблему до того, как они с г-ном Бондевиком «уйдут на пенсию», и решить по принципу справедливости. Не хотелось бы, чтобы высказанные в статье соображения были расценены, как очередное проявление того самого национализма, в котором министр иностранных дел Норвегии Ю.Л. Мувинкель обвинял научные круги, но отнюдь не министерство иностранных дел СССР: «Я сказал, что в России тоже кое-где проявляется сильный национализм, например, в научных кругах, когда вопрос идёт о полярных территориях».